

24 апр 1924
МОСГОРСПРАВКА МОССОВЕТА

Отдел газетных вырезок

ул. Кирова, 26/б.

Телеф. 96-69

Вырезка из газеты

13 СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

от

Москва

Газета №

Концерты Е. Мравинского

За последнее время в концертной жизни Москвы все чаще и чаще стало появляться имя ленинградского дирижера Е. Мравинского. Это факт весьма отрадный. Еще каких-нибудь два года тому назад, до его участия во всесоюзном дирижерском конкурсе, Мравинского у нас в Москве почти не знали, между тем это артист высокого профессионального уровня и подлинного исполнительского таланта.

Мравинский обладает не только необходимыми внешними техническими ресурсами (у него красивый, выразительный жест, достаточно разнообразная, отлично выработанная техника), но и большой внутренней волей, энергией. Это сообщает его жесту повелительность и властность, которые так выгодно отличают крупных дирижеров. Вот это умение организовать оркестр, подчинить его своей художественной воле характеризует Мравинского как вполне сложившегося и ярко выраженного дирижера. Подобно тому как бывают люди, рожденные быть пианистами или скрипачами, Мравинский — дирижер по призванию. Случаясь его, отмечаешь прежде всего замечательную собранность оркестрового звучания; под его палочкой оркестр обретает ту внутреннюю художественную дисциплину, при которой, собственно, только и возможно живое творческое отношение каждого оркестранта к исполняемому произведению. А ведь это в конечном счете и определяет общий стиль оркестрового исполнения (я имею в виду пока что техническую сторону).

Как музыканта, Мравинского отличают большие знания и разносторонность художественных интересов. Мравинский — артист не только хорошего вкуса, но и большой культуры. Симфонии Гайдна, Бетховена, Брукнера, Чайковского, Шостаковича, Глазунова, «Поэма экстаза» Скрябина, симфонические произведения Баха, Моцарта, Вагнера — таков далеко не полный перечень произведений, сыгранных Мра-

винским за два года в его московских концертах.

В исполнении всей этой разнородной музыкальной литературы очень ярко сказалась способность Мравинского глубоко понимать и чувствовать музыку, умение проникнуться духом и характером произведений. Эта способность, которой Мравинский наделен в большой мере, уже принесла ему не мало творческих побед. Кто, например, не помнит захватывающего исполнения Мравинским скриabinского «Экстаза»? Но едва ли не наиболее крупным достижением Мравинского до самого последнего времени была его интерпретация 5-й симфонии Шостаковича.

Принципиальное значение этой победы Мравинского трудно переоценить. Связанная с воплощением нового произведения, несущего в себе новые стилевые качества (при этом произведения, замечательно го по богатству образов и идей), она свидетельствует не только о художественной чуткости дирижера, но и о его даре творческого постижения. Вот что писал Генрих Нейгауз по поводу трактовки Мравинским 5-й симфонии Шостаковича:

«Для меня лично исполнение Мравинским симфонии Шостаковича было огромным событием: именно это исполнение окончательно убедило меня в том, что произведение Шостаковича гениально».

После исполнения Мравинского стало как-то особенно ясно, что разговоры о второй части, якобы не вяжущейся со всем остальным содержанием симфонии, равно как и упреки в неорганичности финала, лишены основания. То, что некоторыми, до того как они слышали симфонию в интерпретации Мравинского, воспринималось как пестрота и нарушение художественного целого, на самом деле не сто в себе богатство и разнообразие жизненного содержания.

Способность Мравинского к конструктивно ясному ощущению симфонической фор-

мы (при большом внутреннем темпераменте) блестяще проявила себя в его поэтичной виртуозной трактовке 6-й симфонии Шостаковича. Произведение это, на первый взгляд еще более противоречивое, чем 5-я симфония, предстало в истолковании Мравинского художественно монолитным. И если в отношении этой новой и замечательной симфонии Шостаковича еще возникает сомнение в ее внутренней художественной органичности (о чем говорят некоторые из появившихся высказываний о ней), то не кому другому, как именно Мравинскому, чуткому истолкователю творческих замыслов Шостаковича, предстоит окончательно утвердить за симфонией ее истинное значение законченного произведения искусства.

Мравинский безукоризненно справляется со всеми огромными техническими трудностями, заключенными в партитуре этой симфонии. Он исполнил ее трижды (в декабре 1939 г. и в апреле нынешнего) с оркестрами Всесоюзным и Радиокомитета. Все эти выступления показали, каких высоких результатов может добиться Мравинский с квалифицированными симфоническими коллективами.

Говоря о достижениях Мравинского, нельзя обойти молчанием и его исполнение 6-й симфонии Чайковского с оркестром Московской филармонии (март с. г.). Известная во многих десятках интерпретаций, эта гениальнейшая партитура обросла таким огромным количеством исполнительских наслоений, которые, казалось бы, уже исчерпали возможности ее оригинального художественного прочтения. Но то, что является немислимым для подавляющего большинства дирижеров, берущихся за такие уникумы, как 6-я симфония, оказывается под силу отдельным глубоко чувствующим артистам. И тогда обнаруживаются, какие неограниченные возможности для мыслящего художника скрывают в себе сочинения, казалось бы, столь известные, относительно которых установи-

лась традиция их «правильного» и общепринятого истолкования.

Своим исполнением 6-й симфонии Мравинский показал, что он принадлежит к глубоко мыслящим художникам. С необыкновенной силой проникновения прозвучали у Мравинского наиболее трагедийные части симфонии — первое аллегро и финал. Какой высокий трагедийный пафос и вместе с тем какая строгость и сдержанность внешнего выражения! Впервые за многие годы 6-й симфония Чайковского предстала в таком освещении. Только во второй части хотелось бы больше лирических красок, больше поэтического дыхания...

В одном из своих последних концертов (в апреле с. г.) Мравинский дирижировал 9-й симфонией Бетховена. По задачам, которые ставит эта симфония перед исполнителями, ее можно отнести к ряду тех единичных и, может быть, не имеющих себе равных сочинений, совершенное истолкование которых требует огромного интерпретаторского таланта и многолетнего артистического опыта.

Нужны долгие и долгие годы работы над этим произведением, раньше чем артист (если он вообще на это способен) придет к глубокому пониманию 9-й симфонии Бетховена.

Естественно, что Мравинский, который дирижирует 9-й симфонией всего-навсего четвертый раз, находится еще в самом начале такой работы. Но уже и сейчас в его исполнении было много положительного: верно взятые темпы, правильно найденные соотношения оркестровых звучностей. Все было слышно, ничто не пропало. За всем этим не было однако самого главного — львиной хватки бетховенской фантазии, поэтической мощи его гения, грандиозности его замыслов.

Но это, надо думать, придет. Порокой тому талант Мравинского и неуклонный рост его мастерства.

С. ШЛИФШТЕЙН